

Экран и сцена.
МИМОЛЕТНОСТИ 1991.
5 сент.
(№36). - С. 7.

Необходимое предисловие. 16 августа я сдал в редакцию этот текст для колонки, которая должна была появиться в номере за 22 августа. Сегодня не меняю ни слова: актуальность темы, по-моему, лишь возросла.

ЗАДЫХАЯСЬ от тотальной нашей несвободы, мы на нее же обижаемся, ищем близких и дальних виновников ее.

А на телеэкране покойный Сергей Параджанов размышляет о пятнадцати годах жизни. Украденных. У него ли только? Общая несвобода — в неосозданном фильме Шукшина о Степане Разине. («Нам русский бунт на экране не нужен», — сказали тогда в Госкино). Ее гримаса — и в неосуществленной постановке Тарковского по шекспировскому «Макбету»? Да мало ли...

Ну подумаешь, меньше одним фильмом, одной наградой, одной судьбой.

...Сергея Параджанова уже год как нет. На телеэкране, в записи, вечер памяти его, прошедший в Доме кино. Василий Катанян, Григорий Чухрай, Софико Чиаурели рассказывали о друге, — и сами удивлялись: почему мы вспоминаем смешные эпизоды, почему смеемся в минуту скорби? Потом прошли и две серии под названием «Театр Параджанова». Вот уже повод кому-то, кто «вид на жительство» в искусстве ценит выше самого искусства и уж, конечно, личности художника, к такому названию прицепиться. Мол, даже «среда», коллеги признают, что все у него было — розыгрыш, эпатаж, поза, «игра».

Ну, конечно же, было. Было то самое, что Николай Евреинов, еще не открытый нами заново великий наш соотечественник, называл «театром для себя». То непрекращающееся действие, которое и отдельный человек, и малые, и большие группы, и народы, и все человечество творят ежеминутно, в социуме, в быту, в искусстве, одолевая хаос и абсурд бытия. Это по-

своему гениально выразил и Шиллер, когда писал о переходе от «игры свободного течения идей» к «эстетической игре».

А может, шиллеровское «эстетическое государство» — не более чем очередная прекрасная утопия? Ведь, как ни крути, жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя.

Ой, нельзя. Однако — необходимо. И вовсе не так уж утопичен итоговый принцип: «Свободой давать свободу — вот основной закон этого государства».

Творчество свободы

А на экране — «Август сорок шестого...» Полулюбилей. Сорок пять лет со дня погрома, учиненного Ахматовой и Зощенко. Участники, соучастники событий вспоминают. В частности, как Жданов звал на трибуну Юрия Германа — поразоблачать. А тот оказался неготовым к выступлению. Не вышел. Не оскормился. «Основной закон эстетического государства» работал-то всегда.

А Валерий Никифоров из Самары представляет в «Документальном экроне России» ленту под названием «Матюха». Южноуральский заплетчик Виктор Дмитриевич Матвеев. На одиннадцатом году жизни, с голодухи, унес немного фасоли из прохудившегося мешка. Следователь обрадовался. Приписал малому возраст, чтоб было «подсудных» двенадцать. Посоветовал взять на себя нераскрытую кражу мешков картошки. И пошла писать губерния. Говорил Матвеев о прошлом, о настоящем. Внутренняя свобода этого человека, умельца на все руки, пригретого на каторге женщинами из бухаринского семейства, потрясает. До нее еще многим плясать и плясать.

Так же, как до — в прямом смысле слова отплясывающего то фокстрот, то гопака — Николая Тимофеева-Ресовского. Елена Саканян представила на суд зрителей свою документальную трилогию, суть которой не столько в том, чтобы «отстоять Зубра» под натиском посмертных атак на него. «Вина» или «невиновность» ученого может, да и будет еще долго щекотать многих. А вот жизненная поведка его — материя из тех, что в юрисдикции «царства свободы». Он ее и сохранил — в соединке со Сталиным ли, с Гитлером ли. Ну а то, что это непосильно уму идеологизированных истериков и застенчивых клеветников, — нормально, как выражаются «нонешняя молодежь».

Итог многому подводят полчаса фильма Александра Оркина «Столетья позвонки». Старые фотографии — словно лента времени разматывается. «Белые» с лихо закрученными усами. «Красные» с усами, закрученными еще более лихо. Все франтили. Просто люди, вперемышку. Лихой офицер, вместо того чтобы смотреть в объектив, выкатил тайком глаза на красавицу — сестру милосердия. Безымянный, бесконечный ряд, на котором наш патологически «документированный» взгляд будет натужно искать, попытается узнать кого-то исторически знакомого. А фильм потачки не делает: ты — себя узнай. Во всех. И оказывается, что мудрость, истинное примирение, национальное и историческое, не через лозунги и призывы даются, а через все ту же «разгадку поэзий». Евгений Стеблов, почти не интонируя, как протокол, читает полчаса стихи за кадром. Блок созвучен Антокольскому, Волошин — Николаю Тихонову, Клычков — Заболоцкому, Мандельштам — Белому. Поэзия, ритм и смысл которой уравнивает крайности и выражает главное. История — в лицах и стихах, неизбежная — и преодолевшая «принуждение как в физическом, так и моральном смысле». Услышим ли?

Василий КИСУНЬКО.